

— Он пригласил нас, — настаивала Джилл и произнесла по слогам: — *Мис-тер У-айл-дер*.

Швейцар снова окинул ее взглядом, презрительно хмыкнул, но, поразмыслив, исчез в глубине здания. Через минуту он вернулся; выражение его лица изменилось, хотя дружелюбнее не стало.

— Звать как? — спросил он.

— Фоли. Джилл Фоли.

— Джилл, — повторил он, явно не в силах смириться с тем, что ему придется пустить нас в ресторан. — Ладно. Вперед.

Швейцар дернул головой, указывая путь. До сих пор помню, как мы следовали второпях за его мясистой, колыхавшейся тушей со складкой жира на затылке, выпиравшей из-под накрахмаленного воротничка.

Внутри ресторан выглядел не менее вычурным, чем крыльцо снаружи. За окном голубые небеса и неумолимое калифорнийское солнце середины июля, а за стенами “Бистро”, миновав тесный вестибюль (где за стойкой сидела бледная девушка, готовая предложить нам оставить лишнюю одежду на хранение, но, увидев нас, решила не утруждаться), мы попали в огромный зал, а если точнее, в некий иной мир. Резные панели темного дерева, хрустальные люстры, зеркала на каждом шагу, бар во всю стену. И все очень рококошное. На миг мне и впрямь почудилось, что, преодолев некий барьер в пространстве и времени, мы оказались в Париже на рубеже XIX и XX веков, разве что приглушенные разговоры вокруг (ресторан был полон) велись по-английски, конечно. Из динамиков лилась аккордеонная музыка, пара музыкантов легко и нежно расправлялись с “Под небом Парижа” (одна

из первых мелодий, которую я научилась играть на фортепиано), только почему-то они взяли более высокую тональность ля минор вместо привычной соль минор.

Швейцар передал нас усатому метрдотелю в смокинге, идеально подогнанном по фигуре, и этому главному распорядителю хватило опыта и вежливости, чтобы не коситься на наши до идиотизма неподобающие наряды; развернувшись на каблуках, он повел нас по залу, ловкими и плавными движениями профи прокладывая путь между столиками. Посетители, смолкнув, глазели на нас, когда мы проходили мимо. Я чувствовала, как пылают мои щеки. Вскоре нас подвели к угловому столику, но, к моему недоумению, за ним сидели четверо, а не двое. Две женщины, двое мужчин. И все четверо очень немолодые. Это было первое, что меня смутило. А второе — все они были очень мрачными. Их словно придавило тяжким гнетом, особенно угнетенными выглядели мужчины. И это бросалось в глаза. Пары сидели друг против друга, каждая на своем конце стола, а посередине, также друг против друга, пустовали два кресла, предназначенные мне и Джилл.

Одна пара была элегантнее другой. Я засмотрелась на даму лет пятидесяти с пышными черными волосами, тонко очерченным ртом, высокими скулами и голубыми глазами, сверкавшими за большими, слегка затемненными очками. На ней была шифоновая “осенняя” блузка, коричневая с рисунком из желтых листочков. Пусть в одежде я разбиралась еще хуже, чем в ресторанах, и тряпки меня никогда особо не интересовали, я сразу поняла, что блузка очень дорогая. Напротив красивой дамы сидел довольно старый мужчина, ее муж, решила я. Он был почти лы-

сый, но остатки серебристых волос, тщательно зачесанные назад, лишь подчеркивали внушительность его лба, высокого и выпуклого. Одет он был просто, в бежевую спортивную рубашку, застегнутую на все пуговицы, и, по-моему, тоже весьма недешевую; позднее, когда я вспоминала о нем (много и часто), один и тот же вопрос не давал мне покоя: как ему удавалось в обыкновенной спортивной рубашке и летних штанах выглядеть столь изысканно, стильно и непринужденно? Мой отец, к примеру, во взятом напрокат дорогом костюме (по случаю своего пятидесятилетия, отпразднованного в Афинах в том году) выглядел как обычно, расхристанным — воротничок сдавливал ему горло, галстук болтался из стороны в сторону, а рубашка едва не лопалась на брюхе. Думаю, тут все дело в том, к чему вы привыкли с детства. И в деньгах, естественно. Деньги — всегда очень важная материя.

Таково было мое первое знакомство и первое впечатление от мистера Уайлдера. Очки он носил постоянно, с толстыми линзами очки, и, вопреки унынию, написанному на его лице, глаза за этими линзами вспыхнули весельем, когда он увидел нас с Джилл, приближавшихся к столику в мятых футболках и коротеньких шортах. Веселье его было откровенным, непосредственным и немного обидным, но совершенно беззлобным. Наше появление он воспринял как комическую ситуацию, чем и наслаждался. Да и кто бы не развеселился, если на то пошло?

Когда он встал, чтобы поздороваться с нами, трое его сотрапезников тоже поднялись на ноги.

— Итак, одна из вас, — сказал мистер Уайлдер, протягивая руку, — вероятно, Джилл.

— Это я. — Джилл пожала протянутую руку.

— А-а, ну конечно. Счастлив познакомиться. Как мило, что вы здесь с нами. Прошу, садитесь, вот здесь, в центре стола.

Говорил он с сильным — и очень густым, на мой слух — немецким акцентом, чего я не ожидала. Никто не предупредил меня, что он немец. Я полагала, что он американец.

— Меня зовут Калиста, — сказала я, так и не дождавшись, когда Джилл меня представит.

— Прекрасно, прекрасно, — ответил мистер Уайлдер. — А это моя жена Одри, мой друг мистер Даймонд и его жена Барбара.

— Калиста, — повторила Одри. — Какое чудесное имя. Это английское имя?

— Я гречанка, — объяснила я. — Живу в Афинах.

Мы уселись за столик. Я между двумя мужчинами, Джилл между двумя женщинами. Мистер Даймонд с редеющей шевелюрой, в очках в проволочной оправе походил на большого ученого, вечно погруженного в свои непростые мысли. Я предположила, что нынешним вечером он будет не слишком много словен, и оказалась права. Его жена Барбара производила впечатление дамы дружелюбной либо, во всяком случае, наименее устрашающей в этой четверке. Я чувствовала себя не в своей тарелке, мягко выражаясь; за ужином в компании принято вести беседу — о чем я буду с ними говорить? Было бы проще, знай я хоть что-нибудь о мистере Уайлдере и его фильмах. Кинорежиссера я представляла себе так: молодой мужчина в спортивном костюме и бейсболке, приняв картинную позу, кричит из-за камеры “Снято!” и “Мо-

тор!”. Однако мистер Уайлдер более походил на университетского профессора на пенсии или на пластического хирурга, разбогатевшего на подтяжке лица, столь жизненно необходимой многим обитателям Беверли-Хиллз.

Все четверо потягивали мартини. Спросили, не хотим ли и мы выпить бокальчик. Джилл ответила “да”, я ответила “нет”. Тем временем мистер Уайлдер был занят важной беседой с сомелье, завершившейся заказом двух бутылок вина, белого и красного. С особой настойчивостью мистер Уайлдер просил проследить, чтобы красное вино перелили в графин заранее, что ему и было обещано.

Перед нами лежали меню в кожаных переплетах. Я открыла свое меню. Английские названия блюд дублировались французскими, но шрифт был настолько завитушечный, что я почти ничего не понимала ни на одном языке. Заглянув на последнюю страницу с винной картой, я наткнулась на цену заказанного красного вина, и челюсть у меня отпала.

Мистер Уайлдер повернулся к Джилл:

— Как поживает ваш батюшка, позвольте спросить?

— Хорошо, — ответила Джилл.

— Замечательно. Рад слышать. — И продолжил, обращаясь к остальным, сидевшим за столом: — С отцом этой юной леди я познакомился в Лондоне во время войны. Он работал тогда в министерстве информации, и мы проводили много времени вместе, проясняя кое-какие вопросы. Он мне очень понравился.

— И вы по-прежнему общаетесь? — спросил мистер Даймонд.

Мистер Уайлдер пожал плечами:

— Иногда. Я не мастак писать письма. Последний раз мы виделись в Лондоне несколько лет назад, когда я работал над картиной о Холмсе. Посидели вместе в баре “Коннот”.

Джилл ничего не сказала, и тема сама собой закрылась. Я сочувствовала моей подруге: наверное, нелегко придумать, что бы такое сказать старому приятелю твоего отца, учитывая, что ты видишь его впервые в жизни. А кроме того, Джилл была опечалена разлукой со Стивенсом, и это было отчетливо написано на ее лице.

— Вы любите устрицы? — огорошил нас вопросом мистер Уайлдер.

— Устрицы? — Я взяла меню и притворилась, будто читаю.

— Устрицы здесь очень хороши. Их вылавливают в заливе Гумбольдта. Верно, настоящие устрицы, французские, лучше. Но мы в Калифорнии.

— Тогда я, пожалуй, возьму устрицы, — сказала я.

— Они вам нравятся?

— Не очень.

— Тогда не берите. Не робейте и не стесняйтесь. Выбирайте что хотите. То, что вам нравится.

Он был добр к нам, хотя я и досадовала на него: зачем он заметил вслух, как мне неловко и страшно.

— А что вы закажете?

— Мы с женой, — ответил мистер Уайлдер, — возьмем дюжину устриц на двоих, а затем угостимся шатобрианом.

— Мы всегда заказываем одно и то же, когда приходим сюда, — вставила Одри.